

В АТМОСФЕРЕ НЕПОНИМАНИЯ

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ПРОСЛАВЛЕННЫМ ТЕАТРОМ?

— Слышали, что о нас пишут в «Бакинском рабочем»? — спросил директор Азербайджанского государственного академического театра оперы и балета к. м. н. Ф. Ахундзада А. Раева, когда я вошел к нему в кабинет. — Разве так можно! Скажите, кто виноват в том, что режиссер Сафаров перешел в другой город? — жалко вздохнул он. — Конечно, сам Сафаров. Сидел в перелазе. А «Бакинский рабочий» обвинил нас. Год назад оставил театр директор Керимов. Его сужения, он тащил на мушкетера. Но скажите, кто виноват в том, что Сафаров захотелось переехать из Баку? Или Азизов? Конечно, сам Керимов.

Лицо мое такое, что примерю Ф. Сафарова и Р. Керимова. Хотят последовать и другие. Недавно из Италии вернулся Вагиф Керимов. Молодой артист учился певческому искусству у ведущих мастеров.

— Я так стремился в Баку, — рассказывает певец, — но вот приехал, стал работать и... время от времени ставившись с различными несправностями, трудностями, начинаю задумываться: может, и мне перебраться сюда?..

Отдаваться хочет и выпускник Ленинградской консерватории молодой режиссер Нейматзаде. Откровенно говоря, когда он сказал мне об этом своем желании, я удивился: как можно оставлять театр, когда от «горята»?

— Надо больше работать, бороться, а ты в сторону?.. Ты же художник!

Режиссер терпеливо выслушал меня, а потом предложил взглянуть на меня на репетиции. Он работал тогда над оперой М. Кулиева «Обманутые звезды». Воспользовавшись приглашением, я пришел на следующий же день утром.

— Афлатун работает на втором этаже, — сказали

мне. — Да, да, там, у буфета. Буфет не функционирует, репетиция была в разгаре. Артисты ушли со сцены. Но самое сильное впечатление произвела режиссер. Он то торжественно опускался в кресло «престола», и тогда его лицо приобретало выражение бескомпромиссности, то тут же легко, быстро соскакивало и падал вниз перед «шестом», всем своим видом изображая раболепствующего прислужника монарха, то... Одним словом, Нейматзаде одновременно играл за четверых!

Он метался по сцене, постоянно переваливаясь вправо и влево, что удивляло следивших за игрой остальных. Феноменально! Ничего подобного я никогда раньше не видел! Наблюдая за Нейматзаде, я грешным делом даже подумал о том, что он, очевидно, разработал свою режиссерскую систему. С чем я и согласен, его поощрял, когда он, потный, выдыхая от усталости, подошел ко мне.

— Какая так система! — хватая ротом воздух, произнес он. — Я вынужден играть за тех, кто не вышел на работу. Иначе репетиция сорвется. Случай из ряда во все выходящий. Надо сообщить о ЧП директору. Может, он знает? Оказалось, знает. Афлатун не раз говорил руководству о крайней низкой трудовой дисциплине в коллективе, писал рапорты. И только ли Афлатун! Здесь вообще водобоем в порядке вещей.

И все же во всем виноват сам Нейматзаде, — полагал неосознанно этот историк А. Раев.

Если оценивать поведение человека исходя из представлений этаного регионального патриотизма, то Нейматзаде и в самом деле виноват. Он вынес сор из избы! На этот

раз с критикой в адрес театра выступила республиканская молодежная газета. Нейматзаде был автором опубликованной там статьи. Вечерний выпускник «осмеялся» критиковать учреждение, где он получил образование. Да, что мне оставалось делать, — по иронии оправдывался, говорил мне Нейматзаде, — понимаешь, прозвище Кулиева в структурном отношении оказалось очень сложным: сочетается славянское слово «кули» и многообразие традиций азербайджанского фольклора. В «Обманутых звездах» есть арии, выполненные в классическом стиле, но и немало «куматов». И вот, репетируя с «яроуниками» (так у нас называют исполнителей «куматов») я обнаружил, что многие из них недостаточно владеют нотной грамотой, незнакомы с азбучными законами сцены. А ведь у подавляющего большинства дипломы Бакинского музыкального училища. Скажите, имел ли право как специалист угодить о таком уровне подготовки артистов академического оперного театра, функционирующего в двадцатом веке? Как певец может исполнить на высоком профессиональном уровне свою партию, если он не умеет читать с листа? Я хотел обратить внимание общности, выдвигать на страницах газеты деловой разговор о состоянии исполнительского искусства. Но получилась наоборот: выдал огонь на себя. Правда, на художстве было мое суждение, но пошло оно по какому-то странному русла: больше говорили о том, имел ли он право без разрешения руководства выступать в

прессе или не имел. Сама статья и поднятые в ней проблемы в целом остались без внимания. Кстати, до сих пор газета так и не получила ответа. Очевидно, ход обсуждения и его уровень смутил редакцию и она отказалась от дискуссии.

А жалко! Проблемы исполнительского мастерства, судьбы многих некогда известных в стране коллективов глубоко волнуют общественность республики. На одном из заседаний Бюро ЦК КП Азербайджана были рассмотрены эти вопросы. Открыты многие недостатки, намечены пути их устранения.

Но вот было опубликовано письмо Нейматзаде, которое свидетельствовало о том, что он, оставаясь в театре все еще далек от понимания творческой. Тем не менее, театр не откликнулся на статью Нейматзаде, как и в целом на требования артистов. Указоведственный кругозор помешал его руководству увидеть, что радикальный план семейства шестого года, по которому, которое было в статье. Такой «разбор» и сам ход дела буквально потрясли Нейматзаде. Молодой режиссер оказался в ситуации, которая меньше всего благоприятствовала творчеству. А тут еще стало психически серым, сидел нервно, настроение было хуже некуда. Работа над спектаклем затонула. Наконец он все же был представлен на суд художества.

«Обманутые звезды» в основном принцип, одобрил. Стали готовиться к премьере. Но в назначенный день она не состоялась — отменили. Вторая попытка все-таки подвинула бакинцев со спектаклем тоже потерпела фиаско. И только в третий раз здесь

добились своего. Я был в тот вечер в театре, и у меня, как и у многих, в душе надолго остался осадок горечи, сожаления. В зале зрителей было чуть больше, чем музыкантов в оркестре: в довершение ко всему руководство оперы «забыло» оповестить бакинцев о спектакле. В городе даже не были развешены афиши...

Все-таки худо-бедно Кулиев повезло: его произведение реализовано на сцене. А ведь довольно часто случается иное. В 1968 году тогда еще молодой, подающий надежды Назим Аливердиев принес в театр свою детскую оперу «Джигдратан». Детских опер в репертуаре театра всегда было раз-два и обчелся, поэтому художник обрадовался и принял партию.

Говорят, обещанного три года ждут. Назим ждал уже десять лет. А вот, как говорится, и ныне так. Правда, в 1975 году наконец вспомнил о «Джигдратане», даже включил его в репертуарный план семейства шестого года, но потом перевел его в 1977-й, а сейчас — в репертуарный план 1978 года. За десять лет многие изменились в жизни Аливердиева. Он уже автор ряда крупных и глубоко «влюбленных» произведений. Его музыка давно перешагнула пределы республики и страны. А партията «Джигдратан» и по сей день пылится на полках...

В последнее время Союз композиторов Азербайджана критикует за то, что он мало занимается своих молодых и более опытных художников на создание крупных сценических произведений. Конечно, союзу надо работать лучше, целеустремленнее. Но

только ли союз повинен в том, что композиторы обходят стороной театр? Станет ли сотрудничать с театром народный артист СССР, замечательный композитор Ф. Амиров, если его балет «Сиявизне» (о Насиме), поставленный и киблюе велителю Азербайджанского театра в 1973 году, в силу неких-то технических неурядиц так и не вошел в репертуар театра? А ведь объективность высоко оценила работу композитора и балетмейстеров Мушана «Сиявизне» (о Насиме) была удостоена Государственной премии Азербайджана. Она ничуть звучит далеко за пределами республики, исполняется и за рубежом.

Можно привести и другие примеры пренебрежительного отношения к творчеству молодых композиторов. Наученные своим опытом своих коллег, многие авторы и слышать не хотят о творческом сотрудничестве с оперным театром. Зато у них установились деловые контакты с театрами мушкетерской комедии. С 1983 по 1977 год в репертуар было создано 40 музыкальных комедий. Конечно, далеко не все эти произведения совершенны, но сама цифра уже говорит о том, что театр живет и умеет окружить себя авторским активом. С ним сотрудничают такие известные композиторы, как Р. Гаджиев, Р. Мустафаев и другие. Театр мечтает установить творческие контакты с К. Караваном, Ф. Амировым, Т. Кулиевым.

За те же четырнадцать лет Театр имени М. Ф. Ахундзада поставил всего четыре оперы национальных композиторов. Выходит в среднем здесь

над одним произведением работали около трех с половиной лет!

Пожалуй, трудно представить более действенное средство отчуждения художника от театра и вместе с тем характерности его собственной позиции. Неудивительно, что ни одно партийное собрание здесь не проходит без критики в адрес руководства. Не раз народные артисты СССР Г. Алмазаде, Ф. Ахмедова, Р. Иманов и другие обязаны были объяснить, почему нет новых произведений, почему театр растерял прежний репертуар, до каких пор дирекция будет терпеть людей, которые давно творчески выдохлись, но числятся на самых высоких ставках?

А ведь здесь есть и опытные дирижеры, певцы, режиссеры, которых много по плечу. Кстати, на что способны коллективы, показали летние гастроли труппы в Ленинграде, которые прошли с большим успехом...

В республике изменилось многое. То, с чем когда-то мирился, сегодня вызывает решительный отпор. Кулиеву, Бюрокартану, одним словом, всему тому, что мешает нашему продвижению вперед, коммунисты, общественность республики объявили бескомпромиссный бой.

К сожалению, руководство театра не понимает или не хочет понять этого. И прежде всего сам А. Раев.

Некоторые склонны объяснить терпимость директора и положению в театре его бездеятельность тем, что он крайне затружен. Действительно, А. Раев — член Союза композиторов, автор ряда музыкальных произведений и, естественно, продолжает заниматься композици-

ей и сейчас. Кроме того, он профессор Азербайджанской государственной консерватории. Читает лекции, ведет педагогическую работу. Да еще управляет театром. Что и говорить, нагрузка интересова огромной. Он посылал по крайней мере трем своим способным людям.

Но дело не только в этом. Руководители театра — прежде всего слабые организаторы. При каждом удобном случае директор любит пораспускать о новых методах, идеях, которые должны в корне изменить микроклимат, создать атмосферу в коллективе и вывести театр из бедственного состояния. Но проходит год, и все остается по-прежнему. Не хватает умения, целеустремленности, наконец, воли, чтобы провести собственную инертность, осуществлять намеченное. Как уже отмечалось, в театре и в Министерстве культуры республики не переставая, говорят о том, что надо покончить с нарушениями трудовой дисциплины, отказаться от услуг тех, кто так редко появляется на сцене, что зрители успели забыть их. Обществу А. Раев терпеливо объясняет упреки и продолжает бездействовать. Мотивов и так много поведено у него хоть отбавляй. Но ни один из них не имеет отношения к делу: у одного отнимающего от работы — «большой стаж», другой — «уважаемый человек», третий так сумел поставить себя за кулисами, что как-то даже «неудобно, стыдно» его пожимать. Все-таки правится эта советская особенность интеллигентства А. Раева. Но ведь директору как ответственному руководителю надо уметь и власть употребить, надо быть бескомпромиссным ко всему, что мешает творческому развитию, надо поставить главного театрального работника в полную зависимость от себя.

Ф. МУСТАФАЕВ, мещ. соб. корр. БАНУ.